

Атлетический миръ

1909

№ 5.

1 Марта.

**ОРТОПЕДІЯ
и БАНДАЖИ**

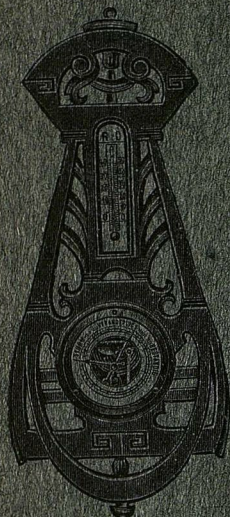
Г. ШВАРТЦЕ,

бандажистъ и специалистъ по ортопедич. машинѣмъ.

Москва, Маросейка (№ 15), в. Тушинной. ☎ Телефонъ 98-20.

**МАГАЗИНЪ, МАСТЕРСНЯ
и КАБИНЕТЫ ДЛЯ ПРИМѢРКИ.**

Къ услугамъ дамъ имѣется опытная женская особа.

Искусственные ноги, руки, Ортопедическіе аппараты новой системы, какъ-то корсеты и шпизы (Hessing-Hoffa) Бандажи для груди и бандажи Брюшные несоможныхъ системъ. Слуховые трубки Резиновые чулки. Новѣйшіе аппараты для домашней гимнастики отъ 2 руб. до 125 руб. Равныя франц. и типическія вещи.

БАРОМЕТРЫ отъ 5—25 руб.

ГРАДУСНИКИ.

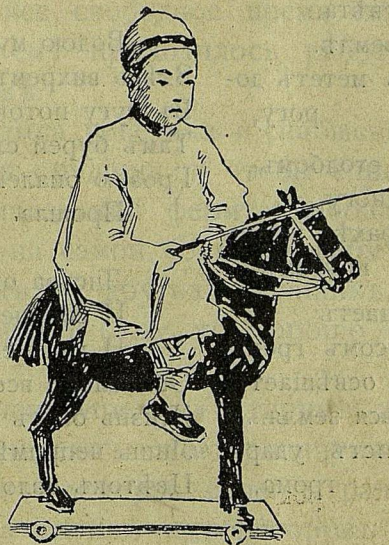

ШОКОЛАДЪ

ЭЙНЕМЪ

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Китайская игрушечная лошадь.

№ 5. 1 Марта 1909.

Содержаніе: Стихотвореніе: Гроза. *Эльде*.—Бѣдная Блошка. Очеркъ *М. Мюллера*. (*Продолженіе*).—Тучи. *Мих. Осоргина*.—Мурзикъ. Разсказъ *Евгеніи Пановой*. (*Окончаніе*).—Что такое фотографія. *И. Воскобойникова*.—Между дѣломъ. *Н. Якубовскаго*.—Ну-ка разгадайте.

Г р о з а

Идетъ гроза во мглу одѣта,
Въ вѣнцѣ изъ молній на челѣ,—
Не видно солнечнаго свѣта,
Тьма расползлася по землѣ.

Предъ нею вихрь мететъ до-
рогу,

Летя крутящимся столбомъ,
И, замирая понемногу,
Замолкла въ страхъ жизнь
кругомъ.

Ея приходъ землѣ вѣщаетъ
Громъ, грознымъ голосомъ гремя;
Блескъ молній путь ей освѣщаетъ;
Дрожить, трепещетъ вся земля...

Трескъ, бури свистъ, удары
грома,

Дождя холоднаго напоръ,
Звонъ стеколъ вздрогнуваго
дома,

Водою мутной полный дворъ.
Здѣсь вихремъ спутанная нива;
Въ лугу потоковъ бурныхъ глубь;
Тамъ бурей сломанная ива,
Грозою опаленный дубъ...

Прошла. Журчатъ ручьи иг-
рая,

Листва омытая блеститъ,
И солнце вновь горитъ сіяя,
И лучъ его въ росѣ дрожить;
Обновлено все,—оживаетъ,
Жизнь бьетъ кипучею волной...
Лишь непримѣтно увядаетъ
Цвѣтокъ изломанный грозой.

Эльде.

БѢДНАЯ БЛОШКА.

Очеркъ М. Мюллера.

(Продолженіе).

Чайная ферма Блошки.

Однако не все свободное время Блошка отдавалъ играмъ. Нерѣдко ему приходилось работать съ отцемъ на ихъ чайной фермѣ.

Ферма ихъ была невелика и снабжена была самыми простыми и грубыми орудіями, и чтобы справиться со всей работою на этой маленькой фермѣ требовалось гораздо больше людей, чѣмъ на самой большой фермѣ Запада. Но отецъ Блошки не взялъ бы другихъ, лучшихъ, орудій и даромъ. „Что годилось моему отцу, то хорошо и для меня,“ говорилъ онъ.

Китайцы очень преданы старинѣ и не любятъ измѣнять ей. Они считаютъ свою родину лучшей страной въ мірѣ; они находятъ исторію своей страны самой важной и занимательной, а своихъ императоровъ и героевъ замѣчательнѣйшими людьми во всемъ мірѣ. Поэтому они убѣждены, что ихъ предки мудро хозяйничали на своихъ фермахъ, и потомки должны подражать имъ.

Плугъ, которымъ китайцы пашутъ землю, имѣетъ очень простое устройство. У него всего одна ручка, и его трудно удержать въ равновѣсіи. Желѣзное лезвіе имѣетъ форму буквы V, и оно такое узкое, что проводитъ борозду всего въ четыре дюйма ширины.

Нелегкая работа ходить по полю съ плугомъ, взрывающимъ землю небольшими горсточками. Но рабочіе Блошкиной фермы испоконъ вѣку привыкли къ такимъ плугамъ.

Ихъ орудія для молотьбы также крайне не сложны. Небольшую лѣсенку вставляютъ въ землю, прикрѣпляя ее ремнями или веревками; затѣмъ рабочій колотитъ обѣ лѣстницу пучекъ колосевъ до тѣхъ поръ, пока зерно не высыплется. Въ то время какъ одинъ молотитъ, другой подаетъ колосья. Онъ ходитъ взадъ и впередъ цѣлый день, перетаскивая пучки созрѣвшихъ колосевъ на концахъ палки, которую перекидываетъ черезъ плечо.

Но на Блошкиной фермѣ главнымъ образомъ разводили чай, уходъ за которымъ требуетъ большихъ заботъ.

Чайныя деревья даютъ первый сборъ листьевъ только на третій годъ; но послѣ первой жатвы съ нихъ можно собирать листья уже по три раза въ годъ.

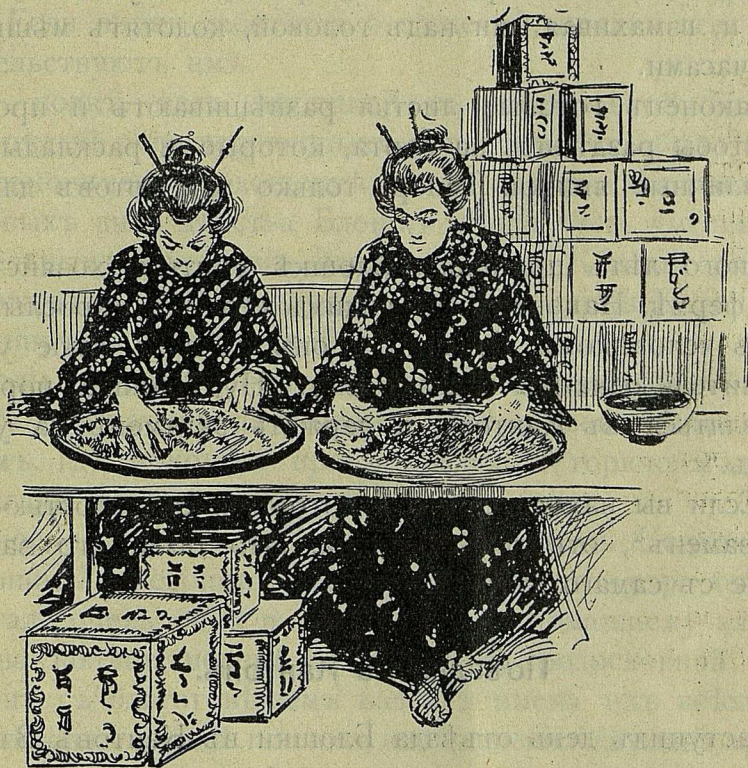
Листья чайнаго растенія нужно собирать очень умѣло; ихъ нельзя срывать съ вѣтокъ пучками, а надо собирать по одному листочку. Очень мелкихъ листьевъ совсѣмъ нельзя трогать, потому что они зелены и не годятся въ дѣло. Очень большихъ тоже не слѣдуетъ срывать, такъ какъ на нихъ осѣдаетъ роса, необходимая для чайныхъ деревьевъ. Значитъ, только средніе листья идутъ въ дѣло. Ихъ собираютъ въ корзины, за которыми приходятъ двѣ работницы, продѣваютъ бамбуковую палку подъ ея ручки и уносятъ на плечахъ.

Собранные листья раскладываются и очень тщательно сушатся на солнцѣ. Ни одной капли влаги не должно остаться въ нихъ, иначе они могутъ заплѣсневѣть, а это портитъ вкусъ чая.

На ночь листья накрываются одеялами. Въ теченіе одной ночи съ ними происходитъ большая переменъ. Когда утромъ Блошка посмотрѣлъ на листья, онъ увидѣлъ, что они совершенно потеряли свой зеленый цвѣтъ. Они сдѣла-

лись черными или бурыми; вкусъ ихъ также измѣнился, и вдобавокъ они стали душистыми.

Ихъ снова раскладываютъ, и мужчины съ женщинами приступаютъ къ работѣ. Они комкаютъ и мнутъ листья очень долго, и опять кладутъ ихъ на солнце.

Сортировка чая.

Послѣ вторичной сушки ихъ ставятъ на большой жаровнѣ на огонь. Рабочіе очень внимательно слѣдятъ за ними въ это время; ихъ надо перемѣшивать, встряхивать и переворачивать, пока каждый листикъ не прогреется равномерно.

Послѣ этого листья переходятъ къ женщинамъ и дѣтямъ, которыя сортируютъ ихъ, отдѣляя хорошіе отъ негодныхъ. Для этого они перебираютъ ихъ по листочку, внимательно оглядывая каждый.

Разсортированные листья кладутъ въ мѣшки и прессуютъ ихъ довольно страннымъ образомъ. Мужчины берутъ палки и, взмахивая ими надъ головой, колотятъ мѣшки цѣлыми часами.

Наконецъ готовые листья развѣшиваютъ и пробуютъ ихъ, чтобы раздѣлить на сорта, которые и раскладываются въ различные ящики. Теперь только чай готовъ для продажи.

Много лѣтъ пришлось Блошкѣ учиться хозяйству на своей фермѣ. Наконецъ мы видимъ его уже взрослымъ молодымъ человекомъ. Въ школѣ онъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что учитель однажды сказалъ ему: „Ну, Блошка, пора тебѣ отправляться въ Кантонъ и держать экзаменъ на ученую степень.“

„Если вы находите, что я готовъ, я съ радостью пойду на экзаменъ“, отвѣтилъ Блошка. Это было его завѣтное желаніе съ самаго дѣтства.

Поѣздка въ Кантонъ.

Наступилъ день отъѣзда Блошки въ Кантонъ. Въ этотъ день онъ поднялся очень рано, чтобы проститься съ предками у домашняго алтаря.

Вамъ это кажется страннымъ, но въ Китаѣ поклоненіе предкамъ считается очень важнымъ дѣломъ.

Въ домѣ Блошки висѣла большая каменная доска испещренная множествомъ китайскихъ знаковъ. Блошка зналъ всѣ знаки на этой доскѣ, такъ какъ это были имена его пред-

ковъ—дѣдовъ и бабокъ, прадѣдовъ и прабабокъ, пра-прадѣдовъ и пра-прабабокъ, и пра-пра-пра-родителей. Возлѣ каждаго имени стояло число, обозначающее день и часть его рожденія, а также день и часть кончины.

Китайцы вѣрятъ, что по смерти кого либо изъ членовъ семьи частичка его души переходитъ въ эту каменную дощечку. Если внуки заботятся о дощечкѣ, предки всегда покровительствуютъ имъ.

На полкѣ, надъ дощечкой съ родословной Блошки, стоялъ цѣлый рядъ деревянныхъ фигурокъ. Ихъ было столько, сколько именъ на дощечкѣ, и они изображали предковъ. Съ первыхъ дней дѣтства Блошку учили быть учтивымъ и внимательнымъ къ этимъ изображеніямъ. Каждый разъ въ день рожденія какого нибудь предка въ семьѣ Блошки задавали пиръ въ честь покойнаго.

Столѣ гнулись подъ тяжестью наставленныхъ яствъ, во славу предка курили ѳиміамъ. Всей семьей отправлялись въ храмъ, гдѣ покоился прахъ предка, и горячо молились и возлагали жертвы на алтарь.

Ясное дѣло, Блошка не могъ уѣхать въ Кантонъ, не простившись со своими предками. И вотъ, въ утро отъѣзда онъ всталъ очень рано и направился къ домашнему алтарю. Ставъ на колѣни передъ дощечкой съ родословной предковъ, онъ съ благоговѣніемъ назвалъ имена ихъ всѣхъ, затѣмъ отвѣсилъ низкій поклонъ изображенію каждаго предка и просилъ благословить его на дорогу.

Кантонъ одинъ изъ крупнѣйшихъ городовъ Китая, и Блошка былъ очень гордъ и счастливъ тѣмъ, что ему предстоитъ попасть туда и держать экзаменъ на ученую степень.

До Кантона было довольно далеко, и Блошка поѣхалъ туда въ лодкѣ, хотя сухимъ путемъ было гораздо ближе. Въ Китаѣ каждый фермеръ, согласно обычаю, сооружаетъ

часть канала, проходящаго черезъ его ферму, и имѣеть собственную лодку. Каналь этотъ соединяется съ большимъ каналомъ, ведущимъ въ море, и по немъ фермеръ отправляетъ свой товаръ въ городъ на рынокъ. Блошка, какъ и всякій фермеръ, предпочелъ отправиться по собственному каналу, чѣмъ сухопутьемъ.

Грузовая лодка Блошки была широкая и плоская, и передвигалась съ помощью веселъ. Для собственнаго же употребленія имѣлась другая лодка, маленькая, узенькая, похожая на челнокъ. Онъ сталкивалъ ее въ воду ногой и управлялъ ею посредствомъ большого, широкаго весла. Двигалась она довольно медленно, но Блошка ѣздилъ на ней только съ одной фермы на другую.

Такъ какъ теперь Блошкѣ предстояло довольно длинное путешествіе, то онъ отправился на большой грузовой лодкѣ, наполненной товарами. Слуги заняли свои мѣста, и лодка тихо тронулась въ путь.

До гавани Кантона добрались безъ всякихъ приключеній. Когда же приблизились къ городу, Блошка былъ пораженъ невиданнымъ зрѣлищемъ.

Ему показалось, что городъ сошелъ съ ума, потому что дома его шатались во всѣ стороны. „Неужели во всѣхъ большихъ городахъ дома ведутъ себя такъ странно?“ подумалъ Блошка. И въ самомъ дѣлѣ картина была совсѣмъ необычная. Береговой лоцманъ, въ отвѣтъ на недоумѣніе Блошки, объяснилъ, что часть жителей Кантона строятъ свои дома на водѣ.

„По какой причинѣ?“ спросилъ Блошка.

„Потому что городъ очень застроенъ, и на землѣ не хватаетъ мѣста для домовъ“, отвѣтилъ лоцманъ. Дальше Блошкина лодка проѣхала мимо нѣсколькихъ китайскихъ мальчиковъ, занимавшихся ловлей рыбы. Блошка не разъ

читалъ о ловлѣ рыбы; но никогда не видалъ, чтобы ее ловили такимъ страннымъ образомъ.

Мальчики ловили рыбу большой сѣтью, прикрѣпленной къ обручу и образовавшей нѣчто вродѣ большой корзины. Къ обручу былъ придѣланъ длинный шестъ, служившій какъ бы ручкой для корзины. Мальчики съ большой осторожностью опускали сѣть въ воду и внимательно слѣдили за ней; черезъ нѣкоторое время, наконецъ, одинъ изъ мальчиковъ вытащилъ сѣть, и въ ней оказалась одна единственная рыба.

Проѣхавъ еще немного дальше, Блошка увидѣлъ другую группу мальчиковъ, тоже занятыхъ рыбной ловлей; но они ловили рыбу уже на иной ладъ. При нихъ были двѣ большія птицы, которыя собственно и ловили рыбу—именно, бакланы, неуклюжая добродушная птица. Бакланы легко научаются ловить рыбу и приносить ее хозяину. Блошка долго не могъ оторвать глазъ отъ этой картины.

Поймавъ рыбу, бакланы прилетали съ ней къ плоту, и мальчики вынимали добычу у нихъ изъ клюва, послѣ чего птицы снова улетали на охоту. Случалось, что бакланъ упрямился и не желалъ отдавать рыбу хозяину. Для такихъ случаевъ вокругъ шеи птицы была обвязана веревка, конецъ которой мальчикъ держалъ въ рукахъ. Если бакланъ не желалъ принести рыбу, мальчикъ дергалъ веревку, которая туго затягивалась на шеѣ баклана, и послѣдній покорно шелъ къ хозяину и отдавалъ рыбу.

Блошка очень много читалъ о чудесномъ городѣ Кантонѣ и зналъ, что около шестидесяти тысячъ его населенія живетъ на плотяхъ, на водѣ.

Но читать и видѣть—это разныя вещи, и видомъ Кантона Блошка былъ пораженъ такъ, словно никогда не читалъ о немъ.

„Надо пойти на городскія стѣны и осмотрѣть ихъ“, рѣшилъ Блошка. „Я читалъ, что имъ много сотенъ лѣтъ“.

И Блошка нанялъ паланкинъ и отправился осматривать городскія стѣны, тянувшіяся на много миль.

Восемь человѣкъ несли паланкинъ, снабженный крышей для защиты отъ солнечныхъ лучей.

Къ городской стѣнѣ было шестнадцать воротъ, и Блошка останавливался передъ каждымъ и внимательно осматривалъ ихъ.

На слѣдующій день Блошка посѣтилъ нѣсколько храмовъ, гдѣ горячо молился богамъ и принесъ жертвы, какъ онъ дѣлалъ это дома, передъ алтаремъ своихъ предковъ.

Визитъ Блошки къ другу его отца.

На слѣдующій день Блошка отправился къ одному китайскому дворянину, другу своего отца. Этотъ дворянинъ жилъ въ отличномъ, богатомъ домѣ; но когда Блошка вошелъ, хозяинъ встрѣтилъ его земнымъ поклономъ и сказалъ: „Милости просимъ въ мою грязную хижину“, на что Блошка отвѣчалъ; „Благодарю за позволеніе переступить порогъ вашего пышнаго дворца“.

Хозяину понравилась такая учтивость, и онъ подумалъ: „у этого молодого человѣка хорошія манеры.“—„Скажите, пожалуйста, мой благородный другъ, сколько вамъ лѣтъ?“ спросилъ хозяинъ.

„Мнѣ, жалкой собаченкѣ, двадцать одинъ годъ. А сколько лѣтъ вашему высокочтимому сыну?“ На это хозяинъ отвѣтилъ: „о, моей крысѣ всего двѣнадцать лѣтъ, и онъ еле умѣетъ читать. Никуда негодный мальчишка! Не стоитъ вашего вниманія. Разкажите мнѣ лучше, какъ поживаетъ мой великій другъ, вашъ отецъ...?“

(Продолженіе слѣдуетъ).

Т у ч и.

Жарко, душно, а дождя все нѣтъ... Хорошо тѣмъ, кто теперь на дачѣ или, еще лучше, въ деревнѣ! Тамъ жара не такъ чувствуется, какъ въ городѣ: можно пойти въ лѣсъ за ягодами, въ немъ тѣнисто и прохладно; или можно выкупаться въ рѣчкѣ—вода свѣжая, холодная... А здѣсь, въ городѣ, сидишь, словно около печи, дома отъ солнца раскалились, пыль съ мостовой летитъ въ окно,—нехорошо!

Сегодня, кажется, будетъ дождь. Похоже на то. Впервыхъ, душно еще больше обыкновеннаго, потомъ на небѣ появились облака, чего ужъ недѣли три не было...

Съ верхняго этажа высокаго дома, гдѣ живутъ Аня и Васюкъ, видно только небольшую часть неба, остальное небо все загорожено домами. Но и на этомъ кусочкѣ неба есть кое что интересное для Ани съ Васюкомъ, а потому они и примостились у открытаго окошка, выходящаго на улицу.

Сначала они легли на подоконникъ, осторожно высунули изъ окна головы и посмотрѣли внизъ—но тамъ ничего не было, прохожихъ очень мало; только казакъ проѣхалъ на лошади, но такъ быстро, что Васюкъ не успѣлъ на него полюбоваться, да и видно сверху плохо. Кромѣ того, лежать на подоконникѣ мамой строго запрещено; нашлапаетъ—тогда будутъ знать! И Аня съ Васюкомъ рѣшили лучше смотрѣть, какъ по небу плывутъ облака.

Васюкъ еще очень маленькій, ему только пять лѣтъ. Аня уже большая дѣвочка, ей десять. Она носитъ Васюка на рукахъ, какъ нянька, одѣваетъ его, показываетъ ему картинки въ книжкѣ и карточки въ альбомѣ, очень интересно про все рассказываетъ Васюку безъ Ани сидѣть не любитъ, она ему всегда очень нужна. Вотъ и теперь онъ требуетъ, чтобы Аня придумывала и рассказывала ему, на что похожи облака на небѣ.

— Смотри, Васюкъ, вонъ господинъ въ шляпѣ! видишь?

— Гдѣ?

— Вонъ тутъ! Да ты не туда смотришь, Васюкъ! Вонъ тамъ, рядомъ съ бѣленькимъ облачкомъ... видишь бѣленькое облачко?

— Вижу. Оно маленькое?

— Маленькое. А рядомъ съ нимъ большое, такъ вотъ это и есть господинъ въ шляпѣ. Вонъ у него носъ, а вонъ тамъ борода, а наверху шляпа... Видишь?

— Вижу. А у него носъ длинный!

— Длинный, предлинный... Постой, Васюкъ, онъ въ креслѣ сидитъ, облокотился на спинку и сидитъ.—А во рту у него трубка... Васюкъ! Знаешь, кто это?

— Кто?

— Это царь! Онъ сидитъ на тронѣ, а на головѣ у него корона. И борода длинная-длинная. Какъ похоже то!

— А почему у него глазокъ не видно?

— А онъ слѣпой, Васюкъ,—быстро соображаетъ Анюта. Онъ надъ всѣми слѣпыми царь.

Васюкъ, разинувъ ротъ, смотритъ, какъ ползетъ по небу и расплывается облако, похожее на слѣпого царя, и какъ оно постепенно прячется за крышу большого дома, что стоитъ черезъ улицу.

— А еще кто, Анюта?

— Подожди, сейчасъ еще будетъ. Вонъ выползаетъ... Ну-ка, Васюкъ, угадай, кто это?

— Царь!

— Нѣтъ, не царь.

— Ну, верблюдъ!

— Нѣтъ!

— Ну, я не знаю... Ты сама скажи.

— Это лошадка, Васюкъ.

— А какая она? Рыженькая?

— Нѣтъ, не рыженькая, а такъ, всякая... А за лошадкой идетъ мужикъ, страшный мужикъ...

— А что онъ дѣлаетъ?

— Онъ пашетъ землю.

Лошадка медленно уходитъ за крышу, а за ней и страшный мужикъ; онъ весь расплылся и сгорбился.

— Еще, Анюта!

— Ты, Васюкъ, теперь самъ угадывай, а то что же все я. Ну, говори скорѣй кто, а то онъ убѣжитъ за крышу.

— Лошадка!

— Ну, Васюкъ, опять лошадка. Ты придумай что нибудь новенькое.

— А я хочу, чтобы лошадка, а то та лошадка очень скоро убѣжала.

— Ну, ладно, пусть будетъ лошадка. А на ней кто?

— А на ней казакъ ѣдетъ.

Ну, хорошо, Васюкъ. Это будто бы онъ за мужикомъ гонится. Вонъ-вонъ-вонъ, за крышу убѣжалъ....

Васюкъ подпрыгиваетъ на стулѣ и хлопаешь въ ладоши, потому что все это очень интересно. А тѣмъ временемъ небо все темнѣетъ. Уже солнце скрылось за тучами, по улицѣ за клубилась пыль, поднятая налетѣвшимъ вѣтромъ.

— Анюта, затвори окно!—кричитъ мама изъ сосѣдней комнаты.

Васюкъ очень недоволенъ тѣмъ, что запирають окно.

— Ничего, Васюкъ,—говоритъ Анюта,—мы черезъ стекло смотрѣть будемъ. Теперь тучки идутъ черныя-черныя! Смотри, Васюкъ, это впереди будто бы человѣкъ...

— На небѣ человѣки не всамдѣлишныя, Анюта?

— Нѣтъ, не всамдѣлишныя, только будто бы.

— Ихъ будто бы много тамъ, Анюта?

— Много, Васюкъ, очень много. Каждая тучка—человѣкъ! Вонъ ихъ сколько бѣжитъ! Видишь, Васюкъ?

— Вижу. Очень они черные...

— Это они въ сажѣ выпачкались... Помнишь, Васюкъ, мы на улицѣ такихъ черныхъ видѣли, ихъ много шло съ завода. И это все будто бы рабочіе съ завода идутъ. У! Какіе страшные! точно трубочисты.

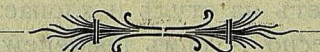
Далеко слышны раскаты грома. Небо совсѣмъ потемнѣло. Васюку немного страшно и онъ ближе жметъ къ Анютѣ. Трубочистовъ на небѣ уже нѣтъ. Всѣ они слились въ большую сплошную тучу и быстро-быстро убѣгаютъ за крышу. Въ комнатѣ сразу стало темно. За окномъ гудитъ вѣтеръ, клубится пыль и крутятся въ воздухѣ какія то бумажки. На улицѣ съ трескомъ катятъ по мостовой дрожки извозщика, который спѣшитъ спрятаться отъ грозы на постоянный дворъ; грохотъ колесъ сливается съ раскатами грома. Гроза приближается... Вотъ блеснула молнія, да такъ ярко, что Васюка ослѣпило. Одновременно съ первыми каплями дождя закапали слезы изъ глазъ Васюка. Анюта тоже струсила. На ревъ Васюка прибѣжала мама и обоихъ дѣ-

тей отіправила въ комнату съ закрытыми ставнями, гдѣ они немедленно улеглись въ кровать и уткнулись лицомъ въ подушки.

Хотя громъ слышно и тутъ, но Васюку уже не такъ страшно, потому что здѣсь молніи не видно.

Обыкновенно на кровати онъ любитъ кувыркаться и болтать ногами, но теперь немножко усталъ и хочетъ спать. Аня тоже дремлетъ.

Мих. Осоргинъ.

Мурзикъ.

(Разеказъ для дѣтей).

(Окончаніе).

— Ну, пойдемъ домой, няня, — говорила, набѣгавшись, Катя.

И Мурзикъ покорно подымался и снова бѣжалъ впереди Кати.

VI.

Время шло. Прошло нѣсколько лѣтъ, и Катя изъ маленькой толстухи превратилась въ тоненькую семилѣтнюю дѣвочку. Она уже начала учиться, а Мурзикъ попрежнему всегда находился около нея и былъ вѣрнымъ, неизмѣннымъ другомъ. Онъ нисколько не измѣнился. Никто не зналъ, сколько ему лѣтъ.

— Мурзикъ, сколько тебѣ лѣтъ? спрашивала иной разъ Катя, лаская собачку.

Мурзикъ въ отвѣтъ махалъ только своимъ пушистымъ хвостомъ и терся о ноги дѣвочки.

— Я думаю, что онъ ужъ пожилой, — говорила нянька. Лѣтъ ужъ восемь, пожалуй, будетъ, а можетъ семь.

— Такъ онъ мой ровесникъ,—говорила весело Катя и звонко хохотала.—Когда же онъ сѣдой будетъ, няня? Я вѣдьеще долго не буду сѣдая, а онъ?

— Онъ никогда сѣдой не будетъ,—важно рѣшала нянька. Рыжіе долго не сѣдѣютъ, иной разъ до глубокой старости.

— Это хорошо,—задумчиво говорила Катя.—Со старыми скучно, они не могутъ ни бѣгать, ни играть. Ну, Мурзикъ, маршъ, пойдемъ чистить дорожки въ саду.

Катя быстро одѣла шляпу и вприпрыжку побѣжала въ садъ. Мурзикъ за ней.

VII.

— Барыня, знаете, какая у насъ въ городѣ бѣда,—сказала однажды утромъ нянька, входя въ спальню матери Кати.

— А что такое, испуганно спросила Катина мать.—Неужели, няня, какая-нибудь болѣзнь.

— Болѣзнь не болѣзнь, а проявилась бѣшеная собака. Говорятъ, изъ деревни сосѣдней... изъ Дешовокъ. Поймать никакъ не могутъ, говорила тревожно нянька.

Мать Кати начала быстро одѣваться.

— Да, для насъ это дѣйствительно очень опасно, промолвила она.

— Катя цѣлый день гуляетъ, и Мурзикъ всегда около... какъ бы не было бѣды.

— А какъ быть-то. Запереть его нельзя, онъ изведется весь... Сколько лѣтъ и все вмѣстѣ, все вмѣстѣ. Надо будетъ посматривать получше.

— Ну, ты, няня, ужъ смотри. Я на тебя надѣюсь. Боже спаси, не оставляй Катю ни на шагъ. Бѣшеную собаку сей-

Третьяковская галлерея въ Москвѣ.

Боярыня Морозова на пути въ ссылку.

Карт. Сурикова.

часть узнать можно: опущенный хвостъ, изо рта пѣна и бѣжить все прямо. Смотри получше.

И нянька пошла къ дѣвочкѣ, а мать занялась хозяйствомъ.

Прошелъ день, другой. О бѣшеной собакѣ перестали говорить. Юль стоялъ жаркій, небо было безоблачно, солнце жгло и сушило все.

Однажды Катя съ утра взяла книгу, завтракъ и отправилась съ нянькой въ городской садъ. Мурзикъ также бѣжалъ съ нею. Отъ жары онъ высунулъ языкъ и бѣжалъ вяло и неохотно.

Вдругъ изъ-за угла выбѣжала черная большая собака. Хвостъ ея былъ опущенъ и висѣлъ безсильно, языкъ былъ высунутъ. Собака бѣжала прямо на Катю.

— Бѣшенная, — вдругъ мелькнула мысль у няньки. — Боже мой, бѣшенная...

— Катя, бѣги сюда, — вдругъ закричала она не своимъ голосомъ, хватая за руку дѣвочку и отбѣгая въ сторону.

— Бѣшенная собака.

Но не успѣли онѣ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ Мурзикъ стрѣлой бросился навстрѣчу черной собакѣ. Раздался визгъ, вой, лай — и обѣ собаки начали грызться другъ съ другомъ.

Онѣ бѣжали впередъ, падая и валяясь въ пыли на широкой улицѣ, удаляясь все дальше и дальше отъ испуганной дѣвочки. Наконецъ, онѣ въ борьбѣ упали и пыль покрыла ихъ. Катя стояла, остолбенѣвъ и вся дрожа.

— Мурзикъ, Мурзикъ, — шептали ея помертвѣвшія отъ страха губы. — Мурзикъ, иди сюда, Мурзикъ...

Но Мурзикъ не слышалъ голоса своей хозяйки. Онъ хотѣлъ до конца довести свое дѣло и метался въ послѣдней отчаянной борьбѣ, идя на вѣрную смерть. Онъ пожертво-

валъ собой для своей хозяйки. Дѣвочка съ нянькой въ слезахъ пошли домой.

А Мурзикъ какъ-будто пропалъ.

Насталъ вечеръ. Его не было.

Онъ не легъ на свое обычное мѣсто у дверей дѣтской. Пришло утро—онъ не явился къ кровати своей хозяйки. Онъ исчезъ...

— Гдѣ же это Мурзикъ,—спрашивала тревожно мать Кати за утреннимъ чаемъ.—Ты, Катя, не горюй, можетъ то была и не бѣшенная собака. Только гдѣ-же это Мурзикъ.

Дѣвочка молчала, подавляя рыданія. Мать съ безпокойствомъ посмотрѣла на нее и вышла въ кухню.

— Барыня,—сказала нянька, вошедшая вслѣдъ за нею въ кухню... Барыня, посмотрите... Я только при Катенькѣ не хотѣла сказать. Вотъ Мурзикъ, еще вчера вечеромъ отыскался... Взгляните.

И она отворила дверь въ чуланчикъ. Катина мать взглянула, и сердце ея замерло.

— Бѣдная собака,—сказала она съ жалостью.—Бѣдный, вѣрный другъ... Сегодня же придется пристрѣлить тебя.

Дѣйствительно, Мурзикъ имѣлъ страшный видъ. Ноги и шея у него были искусаны, шерсть висѣла клочьями. Вездѣ виднѣлась запекшаяся темная кровь. Одинъ глазъ совсѣмъ вытекъ, другимъ онъ едва глядѣлъ. Онъ тихо, тихо вылъ и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Видно было, что онъ доживаетъ послѣдніе дни.

— Несчастный, несчастный Мурзикъ,—еще разъ сказала Катина мать.—Мурзикъ,—окликнула она собаку и протянула руку.

Но Мурзикъ не отвѣтилъ на ласку. Онъ едва шевельнулъ хвостомъ и еще жалобнѣе завылъ.

— Самъ вѣдь пришелъ въ чуланчикъ, милая барыня,—

сказала растроганная нянька.—И пришелъ ужъ когда темно было... Видно не хотѣлъ Катенькѣ показаться...

— Ну, запри дверь, няня. Да Катѣ ни слова. Сходи, няня за городовымъ, пусть онъ возьметъ его и пристрѣлитъ.

И Катина мать ушла изъ кухни.

.....

Скоро пришелъ и городской. Онъ разсказалъ, что въ тотъ день, когда былъ искусанъ Мурзикъ, дѣйствительно по городу бѣгала черная бѣшеная собака, что ее ужъ послѣ застрѣлили въ какой-то деревнѣ.

— Молите Бога, сударыня,—сказалъ онъ метери Кати,— что Мурзикъ на нее бросился. Ваша дочь цѣла осталась, а то не миновать-бы ей бѣды, искусала-бы ее собака. А я его возьму, Мурзика, вы не безпокойтесь. Все равно онъ не жилецъ.

Городовой привязалъ Мурзика на веревку и увелъ. Собака пошла покорно, съ трудомъ переступая. Она оглянулась на домъ, гдѣ жила ея хозяйка и гдѣ ее такъ любили,—но никого не увидала. Нянька шла сзади и горько плакала.

Евгенія Панова.

Что такое фотографія?

I.

Изъ чистой и бѣлой гладко выструганной доски столяръ сдѣлалъ хорошенькій сундучекъ съ крышкой и замочкомъ,—сдѣлалъ и поставилъ на самую верхнюю полку въ своей мастерской, а самъ, тѣмъ временемъ, принялся за другую работу. Работы было такъ много, что мастеръ только черезъ два мѣсяца вспомнилъ про тотъ сундучекъ и снялъ его съ полки.

Третьяковская галлерея въ Москвѣ.

Чтеніе манифеста 19 февраля 1869 года.

Карт. Мясоѣдова.

Смахнувъ съ него гусинымъ крыломъ пыль, столяръ не могъ не замѣтить, что сундучекъ пожелтѣлъ снаружи и что больше всего пожелтѣла та сторона его, которая стояла къ окну; задняя же, что была обращена къ стѣнѣ была бѣлѣе, а внутри сундучекъ остался совсѣмъ бѣлымъ. Это случилось не впервые и старый столяръ уже давно зналъ, что бѣлое некрашенное дерево желтѣетъ отъ свѣта.

* * *

Въ скромномъ жилищѣ столяра на стѣнѣ висѣло распisanіе уроковъ его сына. Давно уже висѣла эта бумажка и пожелтѣла; когда мальчикъ спросилъ у отца отчего она пожелтѣла, столяръ показалъ ему на сундучекъ.

Вотъ эту сторону сундучекъ стоялъ къ стѣнѣ и тамъ было темновато, а вотъ эта, другая, стояла прямо лицомъ къ окну; вечеромъ, когда солнце собиралось садиться, оно свѣтило прямо на нее; вотъ почему передняя сторона больше всего пожелтѣла. Теперь посмотри внутрь сундучка. Онъ былъ все время плотно закрытъ крышкой и въ немъ была непроглядная темнота днемъ и ночью. Поэтому внутри онъ остался такимъ же бѣлымъ, какимъ и былъ. Догадываешься ли ты теперь, почему пожелтѣло твое распisanіе?

Болѣе понятнаго объясненія трудно желать. Мальчикъ вспомнилъ, сколько разъ эта бумажка была освѣщена прямыми лучами солнца и сколько времени она висѣла въ свѣтлой комнатѣ....

* * *

Да развѣ только дерево и бумага желтѣютъ отъ солнца? А мало ли еще есть такихъ предметовъ, изъ которыхъ одни желтѣютъ отъ свѣта, другіе зеленѣютъ, третьи чернѣютъ—словомъ, каждый по своему мѣняетъ свой цвѣтъ?

Кому не приходилось наблюдать въ огородѣ, какъ зеленѣетъ картофельный клубень, когда онъ вылѣзетъ изъ-подъ земли на вольный свѣтъ? Если же клубни покрыты землей,—они не зеленѣютъ, потому что тамъ, подъ землей, у нихъ темно. Вотъ почему нужно окапывать кусты картофеля землею.

Или кто не видалъ, какъ въ темномъ погребѣ, весною картофель выгоняетъ изъ себя бѣлые ростки? Они бѣлы только потому,

что въ погребѣ темно. Пусть картофель прорастетъ въ свѣтлой комнатѣ или подъ открытомъ небомъ,—тогда вы сами увидите, что эти ростки будутъ не бѣлыми, а зелеными. Такъ, значить, картофель мѣняетъ свой цвѣтъ отъ свѣта.

Раннею весною, какъ только изъ-подъ земли полѣзетъ молодая травка, положите доску на зеленой лужайкѣ. Пусть пройдетъ недѣля. Тогда навѣдайтесь на это мѣсто и подымите съ земли доску. Что же вы увидите: трава, которая выросла въ темнотѣ, подъ доской, будетъ блѣдная, чуть зеленая. Тогда какъ вокругъ этого мѣста вся трава будетъ темно-зеленаго цвѣта. Теперь уберите доску совсѣмъ, чтобы солнце свѣтило и на ту блѣдную травку, которая выросла подъ доской. Съ каждымъ днемъ она будетъ становиться все зеленѣе и зеленѣе, пока не сравняется по цвѣту со всею остальною травой.

Изъ ряда такихъ наблюденій и опытовъ съ различными разстояніями мы убѣждаемся, что солнечный свѣтъ способенъ измѣнять ихъ окраску.

Лѣтомъ на нашей кожѣ появляется *загаръ*, то есть она дѣлается темнѣе въ тѣхъ мѣстахъ которыя не закрыты отъ солнца: на лицѣ, шеѣ, рукахъ. Присмотритесь хорошенько и вы замѣтите, что шея загораетъ только до воротника, а руки—до начала рукавовъ. Оно и понятно, такъ какъ на эти мѣста сильнѣе всего дѣйствуетъ солнечный свѣтъ. Крестьянскія дѣти носятъ рубашки съ прорѣхою на груди и поэтому какъ разъ противъ этой прорѣхи на кожѣ у нихъ появляется темная полоска загара. Кто прячется отъ свѣта подъ зонтикъ или кто рѣдко выходитъ изъ жилища на свѣтъ, тотъ мало загораетъ.

Слѣдовательно, не только растенія, а и мы сами измѣняемся въ цвѣтѣ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей.

Приходилось-ли кому видать такую матерію, которая выцвѣтаетъ или линяетъ отъ солнца? Помню, какъ однажды, въ началѣ лѣта, я закрылъ свое окно синею дешевою китайкою, прибивъ ее къ оконной рамѣ гвоздями,—и такъ она не снималась у меня съ окна цѣлое лѣто. Когда же осенью я содралъ ее съ рамы, то увидалъ на ней ясный отпечатокъ окна. Противъ стеколъ матерія сильно побѣлѣла, потому что черезъ стекла на нее свѣтило солнце, но противъ деревянныхъ брусевъ рамы, черезъ которыя свѣтъ не проникалъ, она сохранила свой прежній синій цвѣтъ. Поэтому и получилось такъ, что какъ будто на бѣломъ полотнѣ нарисована синяя оконная рама.

Кто же нарисовалъ это изображеніе? Конечно солнечный свѣтъ. Поэтому мы можемъ назвать эту солнечную работу *свѣтописью*. Это будетъ по-русски. А если назвать ее по-гречески, то нужно сказать *фотографія*.

Всѣ, конечно, видали фотографическіе портреты своихъ родныхъ и знакомыхъ. Можно спросить: что же похожего между портретомъ и выцвѣтшей на окнѣ китайкой? Похожаго очень много и мы это увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Я забылъ разсказать еще объ одномъ моемъ опытѣ съ той же китайкой. Когда я замѣтилъ, что солнце можетъ печатать на ней изображенія различныхъ предметовъ, я взялъ кусокъ новой китайки, нашилъ на нее съ одной стороны кружева и выставилъ китайку этою стороною на солнце. Черезъ нѣсколько недѣль кружево со всѣми подробностями отпечаталось на китайкѣ.

* * *

Можно приготовить такую бумагу, которая будетъ чернѣть отъ свѣта не въ мѣсяцы и недѣли, а въ какойнибудь часъ. Для этого простую писчую бумагу нужно съ одной стороны намазать особымъ свѣточувствительнымъ клейстеромъ. Вы, конечно, знаете, какъ дѣлаютъ простой клейстеръ: разболтаютъ въ холодной водѣ немного крахмалу, выльютъ въ кипяткъ и размѣшаютъ хорошенько. Чтобы получить свѣточувствительный клейстеръ, надо поступать точно также, только въ кипяткѣ предварительно надо растворить кусочекъ двуххромовокислаго кали.*) Двуххромовокислый кали надо растереть въ порошокъ и высыпать въ кипяткъ, а затѣмъ уже вылить туда разведенный въ холодной водѣ крахмалъ и размѣшать его палочкой. На стаканъ кипятку достаточно взять кусочекъ двуххромовокислаго кали съ орѣхъ величиною и чайную ложку крахмалу, разведенную въ столовой ложкѣ воды. Свѣточувствительный клейстеръ долженъ быть похожъ на красно-желтый прозрачный студень. Переложите его изъ стакана въ жестяную коробку и храните въ темномъ мѣстѣ, потому что этотъ клейстеръ портится отъ свѣта.

*) Двуххромовокислый кали или хромпикъ—красно-желтая краска. Продается въ аптекарскихъ магазинахъ и въ москательныхъ лавкахъ. Читатели „Дѣтскаго міра“ уже знаютъ, что хромпикъ употребляется при устройствѣ электрической батарей

Чтобы познакомиться съ свойствами этого клейстера, намажьте его на бумагу и высушите на солнцѣ. Чѣмъ дольше клейстеръ будетъ лежать на солнце, тѣмъ болѣе онъ будетъ темнѣть. Затѣмъ эту бумажку намочите въ водѣ. Вы увидите, что клейстеръ не размокнетъ и не смоеется съ бумаги. Совсѣмъ другое будетъ дѣло, если бумажку, намазанную клейстеромъ, высушить въ темнотѣ. Она будетъ, во первыхъ, гораздо свѣтлѣе той, которая побывала на солнцѣ, а во-вторыхъ, клейстеръ съ нея можно смыть водою. Значить этотъ клейстеръ не только темнѣетъ отъ солнца, но еще дѣлается и нерастворимымъ въ водѣ.

Поля листа чистой бумаги покройте свѣточувствительнымъ клейстеромъ. Эту работу надо исполнить тщательно, чтобы клейстеръ лежалъ на ней очень тонкимъ слоемъ и не мазками, а ровно. Это удастся, если намазывать будете на ровномъ столѣ кистью или ребромъ линейки. Лучше всего дѣлать это вечеромъ, при свѣтѣ лампы, потому что дневной свѣтъ испортитъ всю работу. Эту бумагу надо сушить обязательно въ темнотѣ, чтобы она сохранила свою чувствительность къ свѣту. Высушивъ, разрѣжьте ее на кусочки и спрячьте въ книгу: тамъ темно.

Возьмите клочекъ тонкой бумаги, положите сверху него засушенный въ книгѣ цвѣтокъ, прикройте сверху чистымъ стеклышкомъ, чтобы цвѣтокъ плотнѣе прижался къ бумагѣ и чтобы его не сдуло вѣтромъ и выставьте на свѣтъ. Тѣ части свѣточувствительнаго слоя бумаги, которыя находятся подъ цвѣткомъ, не измѣнятся отъ свѣта, потому что свѣтъ не можетъ пройти сквозь цвѣтокъ; зато вся бумага вокругъ цвѣтка потемнѣетъ и сдѣлается нерастворимой въ водѣ. Часа черезъ два или три возьмите эту бумажку и вы увидите на ней рисунокъ цвѣтка. Чтобы удалить съ рисунка ненужный клейстеръ, но измѣнившійся отъ свѣта, вымочите эту бумажку въ водѣ и хорошенько прополощите. Если же этого не сдѣлать, то оставшійся неизмѣненнымъ постепенно тоже потемнѣетъ отъ свѣта и рисунокъ исчезнетъ. Такимъ образомъ, вымачивая отпечатокъ въ водѣ, мы этимъ самымъ навсегда закрѣпляемъ его на бумагѣ. Какъ скоро узнаете, фотографическія карточки тоже закрѣпляются подобнымъ же образомъ.

На свѣточувствительной бумагѣ можно также печатать вырѣзанные изъ бумаги фигурки, листья растений, кружева, а также на-

малеванныя чернилами на стеклѣ рисунки. Чернила пусть сначала высохнутъ, послѣ чего эту стеклянную пластинку наложите на свѣточувствительную бумагу рисункомъ книзу и выставьте на солнце. Черныя части рисунка выйдутъ на бумагѣ свѣтлыми, такъ какъ черезъ нихъ не будетъ проходить свѣтъ, а тамъ, гдѣ на стеклѣ ничего нѣтъ, тамъ бумажка пожелтѣетъ. Черезъ два—три часа вы получите точное изображеніе того, что было нарисовано на стеклѣ, только въ обратномъ видѣ: правая сторона будетъ слѣва, черное будетъ бѣлымъ, а бѣлое чернымъ. Фотографы точно также печатаютъ на свѣточувствительной бумагѣ свои карточки. Они сначала снимаютъ изображеніе на стеклѣ, потомъ такое стекло съ рисункомъ накладываютъ на свѣточувствительную бумагу и выставляютъ на свѣтъ. На бумагѣ, какъ вы уже знаете, получается отпечатокъ того предмета, который изображенъ на стеклѣ.

II.

Возьмите небольшую картонную коробку, напимѣръ, отъ гималайскаго жита, прорѣжьте въ ея крышкѣ квадратное окошечко и заклейте его тонкой промасленной бумагой, а въ днѣ, противъ окошечка, сдѣлайте маленькую дырочку. Такую коробку будемъ называть камерой.

Вечеромъ поднесите камеру близко къ лампѣ, такъ чтобы дырочка смотрѣла прямо на огонь. Тогда на промасленной бумагѣ вы увидите изображеніе пламени лампы въ обратномъ видѣ, то-есть перевернутымъ верхомъ внизъ. Изображеніе будетъ видно еще яснѣе, если вы будете его разсматривать, покрывъ голову и камеру чернымъ платкомъ, чтобы было темнѣе. Дырочку же камеры, разумѣется, закрывать нельзя. Почему черезъ дырочку получается изображеніе, объ этомъ вы современемъ узнаете изъ физики; пока же намъ достаточно будетъ и того, что оно получается.

Въ ясный день съ камерой въ рукахъ можно наблюдать и болѣе интересныя вещи, чѣмъ огонь лампы. Покрывъ голову и камеру чернымъ платкомъ, наведите дырочку на дерево, на церковь, на домъ, на человѣка и вы увидите на промасленной бумагѣ перевернутое изображеніе этихъ предметовъ. Оно будетъ еще ярче и яснѣе, если вы будете становиться съ камерой спиной къ солнцу.

Бѣда только въ томъ, что эти интересныя картины не остаются навсегда на бумагѣ: онѣ исчезаютъ безслѣдно, какъ только вы повернете камеру въ другую сторону или же закроете дырочку. Зато если вмѣсто промасленной бумаги въ камеру заложить клочекъ свѣточувствительной бумаги, чтобы изображеніе какого-нибудь предмета ложилось на нее, то оно можетъ напечататься. Только съ нашей самодѣльной бумагой такое печатаніе будетъ продолжаться очень долго. Да и при томъ же черезъ маленькую дырочку въ камеру попадаетъ очень мало свѣту и поэтому изображеніе получается такое неяркое, что даже самая лучшая свѣточувствительная бумага не очень то скоро почернѣетъ отъ него, гдѣ нужно. Нельзя-ли сдѣлать дырочку побольше? Попробуйте, но изображеніе тогда хоть и будетъ нѣсколько ярче, зато оно потеряетъ въ отчетливости и будетъ какъ бы размазаннымъ.

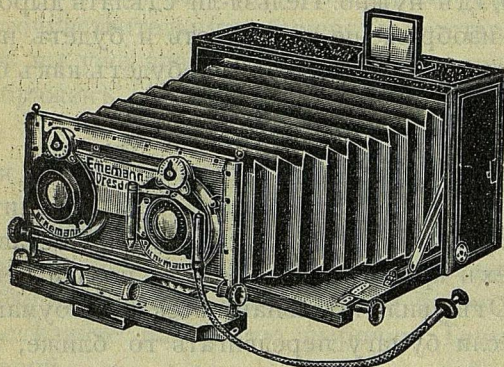
Какъ же получить изображеніе и яркое и отчетливое?

Это можно. Для этого вмѣсто дырочки въ переднюю стѣнку камеры вставляютъ увеличительное стекло. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите увеличительное стекло. *) и вечеромъ сдѣлайте такой опытъ. Поставьте его на разстояніи двухъ-трехъ аршинъ отъ лампы, а позади него держите листъ бѣлой бумаги. Отъ увеличительнаго стекла на бумагѣ получится свѣтлое пятно. Но если бумагу передвигать то ближе, то дальше отъ стекла, то можно найти такое мѣсто, гдѣ на бумагѣ получится совершенно отчетливое изображеніе лампы въ обратномъ видѣ. Подойдите теперь со стекломъ ближе къ лампѣ, на примѣръ, на аршинъ и поищите бумагой то мѣсто, на которомъ отъ стекла получается изображеніе. Вы найдете его, но только гораздо дальше отъ стекла, чѣмъ прежде. Значитъ, изображенія, которыя даетъ стекло, получаются не на одинаковомъ разстояніи отъ него. Какъ видите, это совсѣмъ ужъ не то, что получать изображенія черезъ дырочку: тамъ мы могли получать ихъ на любомъ разстояніи отъ нея, а отъ стекла изображеніе получается только въ одномъ мѣстѣ, но на разныхъ разстояніяхъ отъ стекла. Отъ далекихъ предметовъ изображеніе будетъ находиться ближе къ стеклу, а отъ близкихъ—дальше отъ него.

*) Увеличительное стекло можно купить копѣекъ за 20 въ магазинѣ письменныхъ принадлежностей.

Поэтому камеру со стекломъ нельзя устраивать такъ же, какъ камеру съ дырочкой. Ее нужно дѣлать раздвижною, чтобы заднюю стѣнку съ промасленной бумагой можно было бы придвигать ближе къ стеклу и удалять дальше отъ него, чтобы на ней получалось хорошее изображеніе. вмѣсто промасленной бумаги въ заднюю стѣнку камеры обыкновенно вставляютъ матовое стекло: оно прочнѣе и красивѣе бумаги.

Снимаютъ эту камеру такъ. Сначала ставятъ ее на столъ или же на особый треножникъ, наводятъ стекло на тотъ предметъ, который нужно снять, покрываются кускомъ чернаго сукна и смотрятъ,

что видно на матовомъ стеклѣ. Если изображеніе получается на немъ неясное, то заднюю стѣнку вмѣсто съ матовымъ стекломъ придвигаютъ или удаляютъ отъ него до тѣхъ поръ, пока не получится вполне ясное изображеніе. Тогда закрываютъ увеличительное стекло крышечкой, чтобы въ камерѣ стало темно, вынимаютъ матовое стекло и на

мѣсто его вставляютъ свѣточувствительную стеклянную пластинку, заложенную въ особый темный ящичекъ. Ящичекъ этотъ открываютъ уже въ камерѣ. Тогда снимаютъ крышку съ увеличительнаго стекла, свѣтъ проникаетъ черезъ него въ камеру и изображеніе ложится на свѣточувствительную пластинку, на которой оно и запечатлѣвается черезъ нѣсколько секундъ. Тогда опять закрываютъ увеличительное стекло крышкой, закрываютъ ящичекъ съ пластинкой и вынимаютъ его. Въ темной комнатѣ эту пластинку купаютъ въ особыхъ жидкостяхъ, отчего изображеніе на стеклѣ дѣлается прямымъ, чистымъ и яснымъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на пластинку падали болѣе свѣтлыя мѣста изображенія, она почернѣетъ. Такъ, напримѣръ, если снимали портретъ сѣдого человѣка въ черномъ сюртукѣ, то на пластинкѣ онъ выйдетъ чернымъ въ бѣломъ сюртукѣ. Однимъ словомъ, на ней все получится въ обратномъ видѣ; бѣлое будетъ чернымъ, а черное—бѣлымъ. Такая пластинка съ обратнымъ изображеніемъ называется негативомъ.

Если же негативъ положить на свѣточувствительную бумагу и выставить на свѣтъ, то на бумагѣ получится отпечатокъ, обратный негативу: гдѣ на негативѣ было черное,—на бумагѣ будетъ бѣлымъ, а бѣлое чернымъ. Значитъ, волосы нашего старика выйдутъ уже бѣлыми, а сюртукъ чернымъ. Опыты, описанные въ концѣ первой части нашей статьи, дадутъ вамъ самое живое представленіе о томъ, какъ это получается. Отпечатокъ съ негатива на бумажкѣ называется позитивомъ. Позитивъ вымачиваютъ въ особой жидкости, отчего изображение дѣлается прочнымъ и не чернѣетъ отъ свѣта.

Итакъ фотографія или свѣтопись есть получение рисунковъ помощью свѣта. Сущность этого искусства вы можете понять и поймете, если произведете тѣ доступные наблюденія и опыты, которые здѣсь описаны. Я не описываю всѣхъ подробностей фотографированія, потому что моя цѣль заключается только въ томъ, чтобы дать общее понятіе о фотографіи и указать на связь между нею и нѣкоторыми явленіями природы, которыя обыкновенно проходятъ передъ нашими глазами, оставаясь незамѣченными. Кто же желаетъ самъ фотографировать, тотъ можетъ научиться этому дѣлу отъ знающаго человѣка; если же такого человѣка не найдется, то можно научиться фотографіи и по книгѣ, хотя это будетъ значительно труднѣе.

И. Воскобойниковъ.

Между дѣломъ.

Фокусъ съ яйцомъ.

Вы показываете публикѣ обыкновенное куриное яйцо и самый обыкновенный батистовый носовой платокъ.

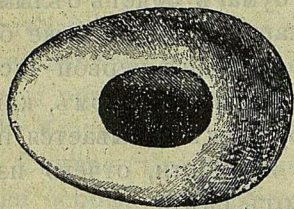
Затѣмъ, на глазахъ у всѣхъ, кладете яйцо въ карманъ, а платокъ держите въ рукахъ.

„Тихо и плавно качаясь“, вашъ платокъ понемногу исчезаетъ, и вмѣсто него въ вашихъ рукахъ яйцо.

Лѣзете въ карманъ и вытаскиваете оттуда платокъ.

Точно такъ-же эти вещи совершаютъ и свое обратное путеше-

ствіе: въ вашихъ рукахъ снова платокъ, а яйцо спокойно лежитъ въ карманѣ.

Яйцо.

Для этого фокуса нужно также сдѣлать нѣкоторыя приготовленія.

Надо имѣть два небольшихъ платка, возможно тонкихъ и совершенно одинаковыхъ; и два яйца—одно совершенно цѣлое, а другое съ дыркой.

Возьмите куриное яйцо и срѣжьте у него часть скорлупы, какъ показано на рисункѣ.

Выпустите содержимое его въ чашку и прѣсушите скорлупу.

Затѣмъ разведите немного гипсу въ водѣ (до густоты сметаны) и растворъ влейте въ скорлупу. Когда гипсъ начнетъ немного застывать, чайной ложкой понемногу начинайте вынимать его оттуда. Поступайте такъ же, какъ будто вы кушаете яйцо. Не надо вынимать весь гипсъ до конца, достаточно сдѣлать углубленіе, въ которомъ могъ бы помѣститься платокъ.

Приготовленія закончены. Остается приступить къ фокусу.

Вы выходите къ зрителямъ. Въ правой рукѣ у васъ яйцо (цѣлое) въ лѣвой другое (фальшивое), прикрытое концемъ одного платка, т. что зрителямъ не видно.

Въ правомъ карманѣ у васъ другой платокъ, о существованіи котораго никто не знаетъ.

На глазахъ у зрителей вы опускаете яйцо въ правый карманъ и отправляете свою правую руку на помощь лѣвой.

Держа платокъ въ обѣихъ рукахъ, вы плавно раскачиваете имъ въ воздухъ и въ то же время двумя большими пальцами стараетесь запынуть его въ отверстіе яйца. Прятать платокъ нужно постепенно, не спѣша.

Онъ какъ бы понемногу уменьшается, таетъ и, наконецъ, совсемъ исчезаетъ.

Когда платокъ достаточно хорошо спрятанъ, въ рукахъ остается одно яйцо, которое вы и показываете, держа его лѣвой рукой отверстіемъ къ себѣ. Правой же рукой вы вынимаете изъ кармана ранѣ спрятанный тамъ платокъ.

Только по ошибкѣ не вытаскивайте яйца, а то можетъ случиться скандалъ.

Такимъ же образомъ вы поступаете и при обратномъ путешествіи яйца.

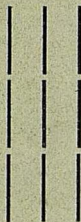
Вы кладете платокъ въ карманъ, такъ чтобы всѣ это видѣли. Потомъ двумя руками, закрывъ фальшивое яйцо начинаете описывать имъ въ воздухѣ восьмерку и постепенно, двумя большими пальцами извлекаете платокъ изъ темницы.

Когда весь платокъ будетъ на виду, вы быстро вынимаете яйцо изъ кармана, показываете его зрителямъ и, наскоро раскланившись, уходите въ другую комнату, пока никто не успѣлъ попросить васъ показать лѣвую руку.

Научиться этому фокусу очень легко; онъ не требуетъ никакой ловкости рукъ. Если вы разъ пять продѣлаете его передъ зеркаломъ, то сами увидите, какъ вамъ слѣдуетъ поступать, чтобы никто не понялъ секрета.

Н. Янубовскій.

Ну - ка разгадайте.

Задачи со спичками.

№ 1.

Переложить эти спички такъ, чтобы въ каждомъ горизонтальномъ ряду лежало а) по 4; б) по 6.

№ 2.

Изъ 8 спичекъ составить прямоугольный шестиугольникъ.

№ 3.

Данная фигура составлена изъ 6 спичекъ. Переложить 2 спички такъ, чтобы получилось 3 квадрата.

№ 4.

При помощи двухъ спичекъ, не ломая ихъ и не разрѣзывая, образовать квадратъ.

№ 5.

Изъ 16 спичекъ составлено 4 квадрата. Какъ изъ тѣхъ же 16 спичекъ составить 5 такихъ же квадратовъ?

№ 6.

Построить изъ 6 спичекъ 4 треугольника одинаковой величины.

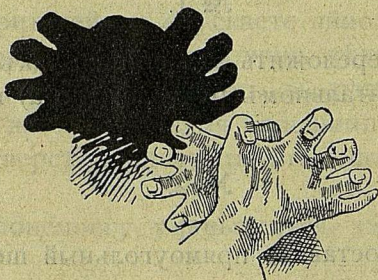
Рѣшеніе шарадъ помѣщ. въ № 4 журнала.

№ 1.

Вино-градъ.

№ 2.

С-мѣхъ.

Открыта подписка на **1909** годъ
(3-й годъ изданія).

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Журналъ для дѣтей
9-12 лѣтнаго возраста.

Въ 1909 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и съ тѣмъ же составомъ редакціи, какъ и въ предшествовавшіе годы.

**ОБЪЕМЪ ЖУРНАЛА БУДЕТЪ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕНЪ
ВСѢ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:**

24 нумеровъ журнала, содержащихъ повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярно-образовател. статьи, біографіи, музыкальн. произведенія, обзоръ дѣтской литературы, занятія и работы, загадки, ребусы и пр. Журналъ иллюстр. рисунками лучшихъ русскихъ художниковъ.	6 нум. соч. <u>Сельмы Лагерлефъ.</u>
	6 нум. соч. <u>Жака Лондона.</u>
12 нумеровъ иллюстриров. Энциклопедич. Словаря для дѣтей и юношества	10 латинск. пьесъ для ролей <u>Цезаря Кюи.</u>

необходимаго справочнаго изданія, охватывающаго собой все дѣтское міросозерцаніе. Предлагаемый словарь явится первой попыткой создать для дѣтей возможность самостоятельно ориентироваться во всемъ явленіяхъ природы и культуры.

Подписная цѣна въ годъ **3** руб. Допускается разсрочка. Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Малая Лубянка, М. 20, телеф. 13-08, въ книжн. маг. "Образованіе", Москва, Кузнецкій мостъ, въ конторѣ Печниковой, Москва, Петровскій линій и въ друг. книжныхъ магазинахъ.

Иллюстрированные проспекты по требованію безплатно.

Редакторъ-Издатель **Н. И. ФИДЕЛИИ.**

Подписная цѣна **3** р. въ годъ съ пересылкой, на $\frac{1}{2}$ года 1 р. 50 к., на 3 мѣс. 80 к., на 1 мѣс. 30 к. Объявленія принимаются по цѣнѣ 30 р. за страницу и 30 к. за строку пята. За перемѣну адреса 30 к. ☉

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка по 1 рублю: при подпискѣ 1-го Марта и 1-го Іюня.

Требуйте видеть

Чай

Требуйте видеть

„Т-ВА КАРАВАНЪ“

Правление въ Москвѣ, Варварка, домъ Страхов, О-ва „Якорь“

Телефонъ Правленія № 13-21.

(Телефонъ отдѣленія приема заказовъ № 28-66.)

Развѣска чая производится

въ городахъ:

Москвѣ, Одессѣ, Уфѣ, Самаркандѣ и Томскѣ.

Розничные магазины въ Москвѣ:

1) Арбатскія ворота.	6) Тверская-Ямская.
2) Охотный рядъ.	7) Долгоруковская.
3) Мясницкая.	8) Серпуховскія ворота.
4) Смоленскій рынокъ.	9) Рогожская.
5) Срѣтенка.	10) Поврова.

Оптовые склады имѣются въ городахъ:

Архангельскѣ, Астраханѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Кіевѣ, Кокандѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Пермѣ, Ригѣ, Ростовѣ н/Дону, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, С.-Петербургѣ, Семипалатинскѣ, Тифлисѣ, Томскѣ, Уральскѣ, Уфѣ и Харьковѣ.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

въ Даниловѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Ташкентѣ и Ярославлѣ.

Особенно рекомендуются чай №№ 50, 51, 52 и 53
подъ названіемъ „ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ“.